

Молодой человек со сложными семейными обстоятельствами (1874—1900)

Winston Churchill

— I —

20 июля 1900 года пассажирское судно «Dunottar Castle», прибывшее из Южной Африки в Англию, в Саутхэмптон, доставило в числе прочих и молодого человека, который страшно торопился. Поэтому он и выбрал именно «Dunottar Castle» — «Замок Даннотар». Пароходная линия «Castle Line» благодаря этому судну срезала время пути от Кейптауна до Саутхэмптона с 42 дней до 17 дней и 20 часов, а у молодого человека каждый час был на счету.

Он боялся опоздать — его кандидатура была выставлена на выборах в парламент в округе Олдхэм, куда он немедленно и отправился. 25 июля он произнес там пылкую предвыборную речь перед 10 тысячами своих потенциальных избирателей, а на следующий день выступил с еще одной речью, на этот раз — в Королевском театре Олдхэма. Принимали его замечательно, с шумом и аплодисментами. Увы, матушки молодого человека в зале не было — она собиралась замуж, и свадьба была назначена на 27 июля, так что выкроить времени на то, чтобы приехать и послушать речь сына, она никак не могла.

27 июля 1900 года леди Черчилль, вдова лорда Рэндольфа Черчилля — матушка нашего героя — обвенчалась с капитаном полка шотландских гвардейцев по имени Джордж Корнуэллис-Уэст.

Отважный капитан был старше ее сына, Уинстона Черчилля — который родился в 1874 году, 30 ноября, — всего на 16 дней. Это нуждается в некоторых комментариях.

Джордж Корнуэллис-Уэст. 1912 г.

Winston Churchill

Уинстон Черчилль

Лорд Рэндольф Спенсер
Черчилль

Наверное, наиболее точным определением леди Черчилль было бы «веселая вдова» — в духе оперетты Ференца Легара, которая так и называлась. Беда была только в том, что в 1900 году до написания оперетты оставалось еще 5 лет, и если «вдовой»

леди Дженни Черчилль стала относительно недавно, то «веселой» ее можно было называть с полными на то основаниями уже добрых 20 лет.

Свои золотые женские годы она проводила довольно весело. По крайней мере, отцовство ее второго сына, Джона, приписывали вовсе не официальному супругу, лорду Рэндольфу, а ее «близкому другу», виконту Фэлмоуту.

Что касается старшего сына, Уинстона, то он родился 30 ноября 1874 года, его отцом бесспорно был лорд Рэндольф, и сейчас он возвращался в Англию из Южной Африки в надежде успеть на свадьбу матери.

К неполным 26 годам Уинстона уже немало поносило по свету: в качестве военного корреспондента он побывал на Кубе, в качестве лейтенанта гусарского полка успел повоевать в Индии, в качестве сверхштатного офицера уланского полка — в Судане, а вот сейчас возвращался после сенсационного побега из плена, куда он угодил во время бурской войны. Буры с его статусом представителя прессы не посчита-

Уинстон Черчилль (крайний справа) в плену у буров, 1899 г.

лись, объяснив Уинстону, что к ним в плен сыновья лордов попадают не часто, и они предпочитают его задерживать как ценный материал для обмена. Он с их доводами не согласился и умудрился не только удрать из-под стражи — что само по себе было не так уж и трудно, пленных охраняли не строго, — но и забраться тайком в товарный поезд и добраться таким образом до португальской колонии в Анголе.

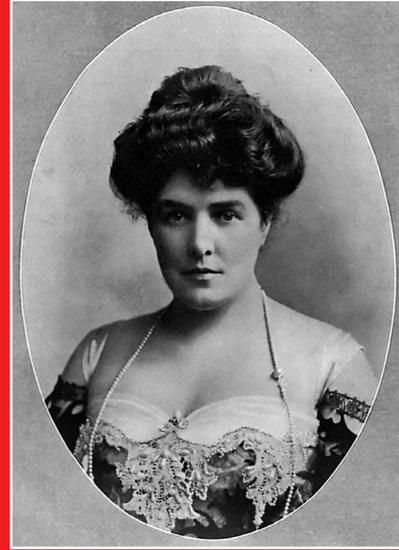
Его побег наделал в Англии шума — война шла неудачно, и романтическая история о храбром и предприимчивом молодом человеке грела сердце публики, что было на руку и самому юному удалцу — он собирался заняться политикой.

Это последнее замечание — «решил заняться политикой» — тоже нуждается в комментариях. Дело тут в том, что лорд Рэндольф лордом был, если можно так выразиться, условным. С одной стороны — ну как еще можно именовать человека, родителями которого были седьмой герцог Мальборо и его супруга, дочь 3-го маркиза Лондондерри? У этой любящей пары было 11 детей, и лорд Рэндольф был их пятым ребенком и третьим по счету сыном. Это последнее обстоятельство — то, что он был третьим из сыновей, — было решающим. Титул и состояние по законам майората наследовал старший сын, его сестер выдавали замуж за достойных их знатного имени супругов, а его братьям надо было делать карьеру самим. Старший оставался хранителем имени, семейного состояния и титула, своего рода живым памятником основателю рода, и не случайно следующие обладатели титула нумеровались.

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, был национальным героем Англии во времена королевы Анны и войн, которые вела Англия

против Людовика XIV. А лорд Рэндольф Черчилль был его потомком в восьмом поколении, но, к сожалению, только в качестве младшего сына седьмого герцога Мальборо.

Для таких младших сыновей знатнейших родов Англии, впрочем, открывались неплохие перспективы в политике, или в юриспруденции, или в военной сфере. Наконец, к последней четверти XIX века появилась и еще одна возможность: жениться на наследнице какого-нибудь американского нувориша, соединив таким образом в одной семье и знатное имя, и приличные деньги. Лорд Рэндольф, кстати, так и сделал. Он женился на Дженни Джером, дочери

Мать Черчилля, леди Черчилль. Снимок сделан в то время, когда она была замужем за Джорджем Корнуэллис-Уэстом (Cornwallis-West). Он был ровесником ее сына, Уинстон Черчилль был всего на 16 дней моложе своего отчима

американского миллионера, и молодые супруги весьма скоро стали родителями — что на месяц отличалось от ожиданий и вызвало потом некоторые толки.

Как бы то ни было, лорд Рэндольф не ограничился браком с богатой наследницей, а занялся и политикой. И, надо сказать, поначалу очень успешно. Будучи младшим сыном пэра, он не имел права на наследование титула, но имел право быть избранным в палату общин, где могли выразить свою волю «простые люди Англии». Конечно, не все эти простые люди были так уж просты, попадались и честолюбивые отпрыски аристократических родов, вроде самого лорда Рэндольфа, и богатые воротилы индустрии, торговли, банковского дела, но хватало и адвокатов, и социальных реформаторов, и деятелей, связанных со всевозможными общественными и церковными организациями.

Некоторые из них и вправду выходили из самых низов, что придавало английской социальной системе большую гибкость — самые талантливые люди из числа тех, кто отважно шел на штурм крепостной стены сословных привилегий, при наличии успеха немедленно принимались в ряды тех, кто на стене уже стоял.

Сделать это, однако, было не так-то легко даже и внуку седьмого герцога Мальборо. Ну для начала ни у Уинстона, ни у его матушки не было никаких серьезных средств. Американский дедушка был натурой увлекающейся и тратил на скаковых лошадей и на балерин столько, что дочери много он уже не оставил. Леди Черчилль сыну серьезно помочь деньгами не могла — во-первых, у нее их

Скажем, попавший в парламент в 1890 году Дэвид Ллойд Джордж — сын учителя, выбившийся в юристы.

Что до лорда Рэндольфа, то ему, конечно, помогали и семейные связи, и громкое имя, так что в парламент он попал легко. И начал двигаться вверх и вверх, пока не занял пост министра финансов. В Англии, тщательно соблюдающей старинные традиции, министр финансов официально назывался не министром финансов, а «Chancellor of the Exchequer», что в принципе можно перевести как «канцлер клетчатой доски». Но функции его, конечно же, к «клетчатой доске» отношения не имеют, а состоят в основном в формулировании государственного бюджета и управлении им.

Все по той же традиции, пост этот уступает по значению только посту премьер-министра.

Дело, в общем, шло к тому, что лорд Рэндольф и сам сможет со временем притязать на роль премьера — но что-то в его жизни сломалось. Он наделал глупостей и долгов, ушел в отставку и вскоре умер. Брак его фактически развалился задолго до его смерти, и все, что от него осталось, был его старший сын, Уинстон, для которого отец был героем и чей путь в политике он собирался повторить.

— II —

было немного, во-вторых, тратила она их широко, в-третьих, чувствовала выше материальных соображений, что видно и из заключенного ею второго брака — ее новый муж был моложе ее на 20 лет, но средств не имел.

Правда, не имея денег, она имела завидные социальные связи. Викторианское общество на многие вещи смотрело широко, так что леди Чер-

Бленхейм, родовое гнездо семьи Черчилль, старшая ветвь которой носила титул герцогов Мальборо. В этом дворце Уинстон Черчилль родился на свет

чилль считалась особой если и не вполне респектабельной, то и уж никак не парией. А так как она была к тому же очень красива, дружелюбна и обаятельна, то с ней дружили очень многие — даже жена принца Уэльского, с которым у Дженни Черчилль был недолгий роман. В общем, первые газетные заказы на статьи своему сыну устроила именно она.

Пытаться пробиться в журналистику его вынудила нужда. Денег не хватало просто отчаянно: служебное жалованье молодого офицера элитного полка не покрывало и половины того, что ему требовалось тратить для поддержания социального статуса. Решение зарабатывать деньги пером было весьма отважным — формальное образование было у Уинстона Черчилля если не нулевым, то весьма близким к этой печальной отметке.

По заведенным порядкам викторианского общества, юные аристократы должны были учиться в частных школах, где они жили на полном пансионе. Учился Уинстон

отвратительно. В классе из одиннадцати учеников он занимал прочное одиннадцатое место.

Когда его забрали из школы и перевели в другую, он в классе из 21 ученика столь же твердо встал на 21-е место.

Слева: Уинстон Черчилль в возрасте 4 лет, снят вместе с матерью, леди Черчилль.

Справа: Черчилль в возрасте 12 лет, в форме Харроу, школы, в которой он тогда учился. По успехам занимал одно из последних мест в своем классе

Отчаявшийся лорд Рэндольф решил, что ни политика, ни юриспруденция его болвану-сыну не подходят, и предложил ему попробовать военную карьеру. В итоге Уинстон поступил в военное училище, Сэндхерст, в кавалерию — экзамены туда были легче, чем в пехоту. Ну в науках он и там не блистал, но хорошо занимался в классах истории и английского, даже стал, как ни странно, чемпионом училища по фехтованию. Честолюбие у него было бешеное, он всячески старался привлечь на себя внимание, и в результате стал весьма непопулярен среди собратьев, гусарских офицеров, которые прозвали его «ловцом медалей». Он, можно сказать, лез на рожон и так норовил показаться на всеобщее обозрение в самом опасном месте, что это вполне можно было посчитать позерством.

В защиту юного гусара следует сказать, что под огнем он никаких героических истерик не устраивал, а напротив, вел себя весьма разумно и хладнокровно. Когда в Судане, в сражении под Омдурманом, он оказался лицом к лицу с полудю-

жиной противников, он не стал полагаться на свои способности фехтовальщика, а попросту вытащил из кобуры револьвер и пустил его в ход. Угодив вместе с остальными в Южной Африке в засаду, остановившую их бронепоезд, он занялся не стрельбой по невидимому противнику, а до последнего старался убрать препятствия с рельсов, чтобы бронепоезд мог попытаться уйти назад. А когда это не получилось, не сдался в плен вместе с остальными, а попытался бежать. Неудачно — его поймали. Но поскольку в итоге молодому корреспонденту Уинстону Черчиллю бежать все же удалось и на волне этого успеха даже приобрести значительную известность, он решил немедленно превратить этот успех во что-то осязаемое и попытаться пройти в парламент.

Он, собственно, уже пробовал это сделать в 1899 году, когда выставил свою кандидатуру на досрочных выборах на освободившееся в парламенте место, но проиграл. Он

Королевская военная школа в Сэндхерсте, которую окончил Черчилль

Уинстон Черчилль в 1900 г.

вернулся на войну, сумел получить лейтенантский чин в Южноафриканском полку легкой кавалерии, в числе первых ворвался в завое-

ванную наконец Преторию — и теперь твердо рассчитывал, что военный опыт улучшит его шансы у избирателей.

Так и вышло. В 1900 году Уинстон Черчилль получил место в парламенте и немедленно отправился в лекционный тур по Англии, США и Канаде.

Во-первых, ему тогда — как, впрочем, и всегда — были очень нужны деньги, а его лекции, как оказалось, собирали много народу.

Во-вторых, у него появилась основательная тема для бесед на политические темы — опыт бурской войны.

В отличие от обычных стычек по периметру колониальных границ Британской империи, в этот раз англичанам пришлось воевать с людьми, вооруженными на европейский лад.

Да еще и в условиях ссоры Англии с Германией.

Уинстон Черчилль

Уинстон Черчилль

Конец La Belle Epoque (1895—1914)

«The French called the era from 1895 to 1914 La Belle Epoque. It was an epoch of beautiful clothes and the peak of luxury living for a select few — the very rich and the very privileged through birth».

«Французы называли эру между 1895 и 1914 годами “Прекрасной Эпохой”. Это было время восхительных костюмов и шика роскоши и комфорта для немногих избранных — очень богатых и очень привилегированных просто по праву рождения».

Из энциклопедии

*Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался — не календарный —
Настоящий двадцатый век.*

А. Ахматова

— I —

Ссора началась вроде бы с пустяка. Ну что, собственно, было такого в том, что император Германии Вильгельм II отправил телеграмму президенту республики Трансвааль? Император поздравил президента «с восстановлением законного порядка» в стране, не слишком заметной на карте Африки, — вот и все.

Рейд в Трансвааль, столь успешно отбитый бурами, вообще-то имел целью захват новооткрытых и весьма перспективных золотых приисков. Он был организован английскими подданными, среди которых были и весьма заметные люди, вроде знаменитого Сесилия Родса — но поддержки правительства не имел. В Англии неудача была встречена вполне равнодушно, и идея «так разбойникам и надо» была выражена в Лондоне даже полуофициально.

Однако телеграмма кайзера не просто поздравляла президента с тем, что с кризисом удалось спра-

виться, а добавляла, что это удалось сделать, «не прибегая к помощи дружественных держав».

Как следовало понимать это неосторожное выражение? Конечно, одна суверенная держава вполне может помочь другой суверенной державе. Однако Трансвааль был не вполне суверенной державой — Англия по договору с ним имела право утверждения его международных договоров, и Германия этого права вроде бы не оспаривала?

Если же оспаривала — то по какому праву? И в какой форме она была бы готова «оказать дружественную помощь» бурской республике?

Все это очень походило на угрозу — а Великобритания в 1896 году не привыкла к тому, чтобы ей угрожали.

Взрыв негодования в Англии был всеобщим. Королева Виктория сделала кайзеру Вильгельму — своему внуку — строгое письменное вну-

шение. Он ответил ей письмом, довольно покаянным.

Тем дело и кончилось, если не считать двух дополнительных обстоятельств.

Во-первых, британское адмиралтейство сочло нужным отправить в Северное море собранную на ско-

рую руку так называемую «летучую» эскадру.

Во-вторых, Германия в том же, 1896-м, году направила в Китай небольшой отряд крейсеров.

Командовал отрядом адмирал флота Германской империи по фамилии Тирпиц.

– II –

Мир на пороге начала нового, двадцатого века имел центр. Центром этим была Европа. К вышеуказанному определению «центром мира была Европа» не следовало даже добавлять особых дополнений, вроде «весьма вероятно», «скорее всего» или даже «бесспорно». Они только ослабляли бы ясный и неоспоримый для современников факт: центр мира — Европа. Все, что было связано с наукой, с технологией, с управлением, с государственными законами, с судом — все это имело один-единственный стандарт — европейский.

Термин «европейский» не обязательно замыкался в границах собственно Европы. Россия, чья территория простиралась от Балтики и до Тихого океана, уже двести лет как входила в европейскую систему, и сама Российская империя была одной из великих европейских держав. Америка, отделенная от Европы Атлантическим океаном, была населена выходцами из Европы и управлялась по принципам, которые они принесли с собой. Театры в Бостоне и в Нью-Йорке показывали свежие постановки, привезенные из Лондона. Старина Джером, дед Уинстона Черчилля, завел у себя в Нью-Йорке, в «Доме Джерома», театр на 600 мест, и пела в нем шведская певица, которая нравилась ему не только своим пением, и стояла, пожалуй, не меньше, чем весь театр.

В тысячах километров не то что от европейских, но даже и от ближайших больших американских городов, в глухом захолустье Скалистых гор, шахтерском городке Эспене, было выстроено здание оперы — и оно не пустовало. Китайские дипломаты носили сшитые в Париже фраки и изыскались по-французски. Мундиры турецких генералов копировались с европейских образцов.

Европа безусловно ощущала себя чем-то единым. Кроны, марки, франки, рубли — все приводилось к единому для всех золотому стандарту. Границы были проницаемы и для торговли, и для путешествий. Человек со средствами мог прокатиться от Норвегии до Сицилии без особых бюрократических проблем.

С другой стороны, континентальная Европа состояла из могущественных и вооруженных государств, военных империй, зорко следивших друг за другом, ибо преимущество, полученное одной из них в одностороннем порядке, немедленно расстраивало весь хрупкий баланс сил, на котором и держалось европейское равновесие.

После разгрома Франции в 1870 году одной из главных забот новообразованной Германской империи было недопущение ситуации, при которой французские вооруженные силы были бы в состоянии померяться силами с германскими.

Но новый разгром Франции поставил бы под угрозу уже безопасность восточной соседки Германии, России — и она твердо решила не допустить этого.

С другой стороны, бесконечные споры России и Австрии за турецкое наследство на Балканах не могли оставить в стороне Германию. Если бы Австрия потерпела поражение, усилившаяся Россия представляла бы угрозу Германии с востока.

Все эти соображения понемногу приводили к созданию «перестраховочных» военных союзов: России с Францией, Германии — с Австрией.

Единственной великой державой Европы, не озабоченной кознями врагов и не ищущей симпатий возможных союзников, была Англия. Внешнеполитическая линия страны называлась — вполне исчерпывающе — «блестящей изоляцией», а внутреннее ее управление было лучшим в Европе.

Уильям Макнил в своей знаменитой книге «The Rise of The West» утверждает, что «качество управления страной напрямую связано с количеством общественных групп и граждан, заинтересованных в участии в управлении». Там, где эти группы, состоящие из торговцев, финансистов, владельцев компаний, представителей сложных, требующих долгого обучения профессий, «богаты, многочисленны и уверены в себе и в своем праве», там и достигаются наилучшие результаты. Наилучшие результаты на пороге двадцатого века достигались в Англии.

В качестве своего рода «моментального снимка» Англии той поры можно привести книжку Дж. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». В ней повествуется о трех молодых

балбесах, решивших взять себе короткий отпуск и прокатиться на лодке вверх по Темзе. Один из них «спит в банке, когда притворяется, что он там работает»; что делают остальные его приятели, из книжки не ясно. Тем не менее описание их похода оставляет впечатление, что и скромный уровень доходов этих молодых людей был достаточен для наличия у них пледов и носовых платков, осознания необходимости в зубных щетках, возможности остановиться при случае в недорогих гостиницах — и полной готовности следовать следующему рецепту для поддержания здорового образа жизни:

«Один фунтовый бифштекс мяса и одна пинта горького пива — каждые 6 часов, одна 10-мильная прогулка — ежедневно по утрам, одна кровать ровно в 11 часов вечера. И не забивать себе голову вещами, в которых ничего не понимаешь».

Короче говоря, на Раскольникова эти молодые люди ходили очень мало.

Англия в конце девятнадцатого века жила в полном согласии с собой — и в дружелюбном безразличии к окружающему ее миру.

Единственный иностранец, появляющийся в книжке Джерома, — комичный германский профессор Шлоссен-Бошен, исполняющий «меланхоличную германскую балладу, выслушав которую германский император расплакался, и его пришлось увести, чтобы он успокоился». Книжка Джерома вышла в свет в 1889 году, так что, по всей видимости, имелся в виду император Вильгельм I, дед Вильгельма II.

Качества его внука, к сожалению, любовью к искусству не исчерпались.

Если рассматривать Вильгельма II как частное лицо, то, пожалуй, главной чертой его характера было желание угодить. Для зрелого мужчины, подходившего к 40, номинально — суверенного повелителя могущественной военной империи — это было, пожалуй, странновато. Конечно, при некоторой снисходительности, полагающейся при суждении об августейших особах, это могло бы рассматриваться даже как похвальное честолюбие — но проблема была в том, что он никак не мог определиться с тем, кому же он в конце концов хотел понравиться. Скажем, знаменитая телеграмма президенту Крюгеру вызвала явное раздражение его английских родственников — включая бабушку, королеву Викторию, которую он искренне почитал. И то, что английская родня считала его «неотесанным тевтоном», ему было явно неприятно.

Но, с другой стороны, германское общественное мнение твердо стояло на стороне буров и обвиняло своего кайзера как раз в недостаточно сильной реакции, ставя ему в вину именно то, что он полуангличанин. И он начинал оправдываться и в разговоре со своим канцлером говорил: «Надо же что-то сделать, чтобы ограничить невыносимую наглость англичан». Правильной мерой такого ограничения он считал объявление Трансвааля протекторатом Германии, а на замечание, что это поведет к войне с Англией, браво отвечал: «Да, но это будет наземная война»; и в конце концов имперский государственный секретарь по иностранным делам Адольф Маршал фон Биберштейн согласился на посылку телеграммы, полагая, что это — наименьшее зло.

Трения вокруг Трансвааля, однако, и не думали утихать. Бурам, надо

Вильгельм II

сказать, горячо сочувствовали — и не только в Германии, но и в России, и во Франции. История бурской войны даже попала в российскую литературную традицию — три или четыре поколения подростков в России зачитывались переводом романа Луи Буссенара «Капитан Сорвиголова», в котором беззаветно храбрый и несметно богатый юный французский миллионер со своими друзьями героически бьется с англичанами за свободу Трансвааля, делая это почему-то верхом на велосипеде. Романтические красавицы были в этой истории совершенно излишни. Поскольку героям (и их аудитории) было предположительно 15 или 16 лет. А вооружены храбрые французские подростки были скорострельными немецкими винтовками «маузер». В той каше вздора, который представляла собой книга, эта деталь была едва ли не единственным элементом, совпадающим с реальностью.

Будь Германия такой, какой она была в момент своего образования в 1870 году, дело ее конфронтации с Англией вряд ли пошло бы дальше литературных упражнений в духе Буссенара. Другие европейские страны находились в таком же положении. Франция, например, не только Трансвааль, но и вообще все английские колониальные предприятия весьма и весьма не одобряла — но она и помыслить не могла о том, чтобы выразить это свое недовольство в каких-то практических мерах.

Однако всего за одно поколение положение изменилось. Германия росла как на дрожжах. К началу нового века одним из самых ясных показателей развития страны служил размер добычи угля. На угле двигались корабли и паровозы, на угле работали паровые двигатели фабрик и шахт. И всего за 30 лет Германия, отставая от Англии в 1870 году втрое, добилась с ней в этом практически полного равенства, а по выплавке стали даже и обогнала.

Это имело самые непосредственные практические последствия. Скажем, Англия еще при Дизраэли отказалась от идеи самообеспечения продовольствием, и так называемые «хлебные законы» были отменены в пользу «свободной торговли». Мера эта была разорительна для крупных землевладельцев, но выгодна индустриалистам, потому что обеспечила жителей растущих промышленных городов дешевой едой. Теперь, с развитием промышленности, такие же процессы шли и в Германии — теперь ей надо было продавать свою промышленную продукцию для того, чтобы прикупить продовольствие. Такого рода обмен осуществлялся, например, с Россией — но и от морской

торговли Германия стала зависеть весьма ощутимо.

Когда после столь неудачной формулировки телеграммы Крюгеру у германских берегов появилась английская эскадра, это оказало самое серьезное влияние на общий ход мыслей в Берлине. Намек был, что называется, предельно ясен — германские торговые суда ходили по морю только потому, что англичане им это разрешали. Взгляд на «глубоко родственную» Англию в Германии в результате сильно изменился.

Но и в Лондоне взгляд на Германию начал меняться. Скромные и слегка деревенские «родственники нашей королевы Виктории» стали выглядеть как соперники и конкуренты, и тот факт, что в разразившейся вскоре бурской войне буры воевали оружием, закупленным в Германии, выглядел уже отнюдь не забавным.

Обе стороны сделали из происшедшего недоразумения свои далеко идущие выводы. В Англии в 1900-м на волне вспыхнувшего патриотизма прошли так называемые выборы «хаки» — названные так по цвету новой защитной формы британской армии, оказавшейся необходимой в период бурской войны.

Они привели в парламент новое поколение политиков, куда более озабоченных обороной страны, чем их предшественники.

Одним из них оказался 26-летний Уинстон Черчилль.

А в Германии было принято решение сделать англичанам ответный намек. Было решено построить серьезный линейный флот. Осуществление этого проекта было возложено на адмирала Тирпица.

Вряд ли Черчиллю в 1900 году приходило в голову, что когда-нибудь они померяются силой.

Вообще говоря, решение Германии о приобретении морской мощи было вовсе не очевидным. Старые прусские короли, случись им обзавестись военным кораблем, немедленно продали бы его с целью получить деньги на вооружение еще одного батальона. Пруссия была небольшим государством, все могущество которого проистекало из наличия сильной армии — и в нее вкладывалось все, что имелось.

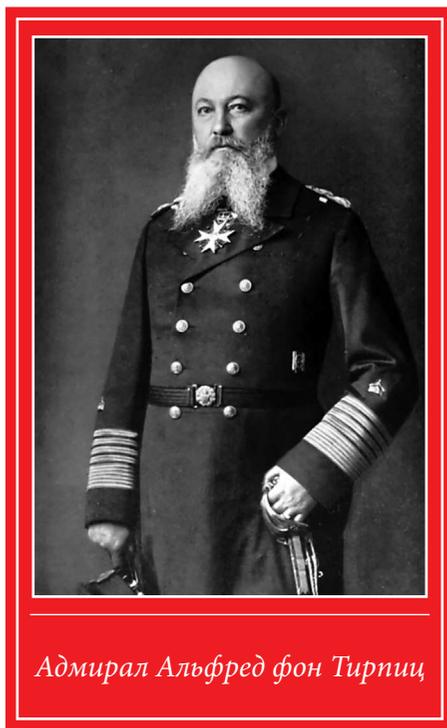
Однако теперь, после афронта с Трансваалем, кайзер вознамерился обзавестись крейсерским флотом, который при случае мог бы послужить интересам его империи и на морях.

Это намерение было оставлено после содержательного разговора с адмиралом Тирпицем. Тот обратил внимание своего государя на то обстоятельство, что без глобальной сети баз — то есть без возможности пополнять запасы угля и боеприпасов вне Германии — крейсера через весьма небольшое время утратят всякую силу.

На довод суверена *«но ведь Нельсон всегда требовал больше и больше фрегатов, а не линейный флот»* адмирал резонно ответил: *«Не требовал, потому что имел»*.

В общем, уговорить обладающего пламенным воображением Вильгельма II оказалось нетрудно. Тирпиц в 1897 году был назначен министром флота.

Проблема, однако, была в том, что сам по себе император ничего не решал. Германский рейх — такой, каким он существовал — был создан гением одного человека, Отто Бисмарка, и создан он им был «под себя». Первый канцлер империи обладал огромной властью, и она перешла и к его политическим наследни-

кам. Кайзера Вильгельма I Бисмарк иногда использовал — примерно как таран — против своих оппонентов, но самостоятельной роли ему не оставлял. Однако даже Бисмарк не мог бы управлять Германской империей самодержавно и безраздельно: она была создана не завоеванием, а объединением многих составных частей, включая независимые королевства, вроде Баварии. Для того чтобы здание было прочным, оно должно было иметь широкий фундамент — и таким фундаментом стал рейхстаг. В нем были представлены промышленники Рура, католики юга, элиты Вюртемберга и Саксонии и даже социал-демократы — рабочее законодательство новой Германии было весьма передовым.

Все, связанное с деньгами, обсуждалось в рейхстаге — и отнюдь не формально. А флот должен был стоить внушительных денег.

Наконец, в новообразованной Германской империи немалую и весьма независимую роль играло учреждение, унаследованное от старой Пруссии, — Генеральный штаб.

Военные вовсе не горели желанием разделять денежные фонды, государственные приоритеты, ка-

рьерные возможности продвижения и многое, многое другое — с новым родом войск, польза которого в их глазах была весьма сомнительной.

Так что первой битвой адмирала Тирпица стало сражение за сердца его соотечественников.

– VI –

Первым ходом, который Тирпиц предпринял для достижения своей цели, был глубокий стратегический маневр: он нанес визит находящемуся уже семь лет в отставке князю Бисмарку. Он надеялся быть принятым. Тирпиц был первым министром императорского правительства, который решился посетить бывшего канцлера, расставшегося с новым императором не в лучших отношениях. Официальной целью визита было приглашение великому человеку посетить Киль, где должен будет быть спущен на воду новый военный корабль, названный его именем. Но, конечно, на самом деле Тирпиц просто хотел бы заручиться поддержкой Бисмарка — несмотря на отставку, он сохранял немалое влияние, особенно в прессе. Князь принял посетителя неласково. Он был слишком стар и слишком умен, чтобы быть восприимчивым к лестии — так что трюк с «новым кораблем» пропал даром.

Однако то, что он услышал, в конце концов показалось ему интересным, и он — неслыханная милость — пригласил своего гостя сопровождать его в прогулке по парку. В открытом экипаже, куда князь пригласил министра флота, они и побеседовали. Беседу вел Бисмарк. Он изругал последними словами и Каприви, своего непосредственного преемника, и Гогенлоэ, теперешнего канцлера, да и самого кайзера, на долю кото-

рого достались наиболее отборные ругательства.

Тот факт, что объектом столь нелицеприятной критики был его суверен, император Германской империи, а человеком, которому надо было все это выслушивать, был министр императора и его ближайший сотрудник, князь Бисмарка отнюдь не смутило. Однако разговор с Тирпицем он вел на английском — кучеру знать все это было совершенно ни к чему. Бисмарк на прогулку захватил с собой две большие бутылки пива и концу ее выпил обе, гостя своего не угостив. Однако тот не был разочарован — ни столь откровенной беседой, ни угощением или его отсутствием.

Князь согласился «поддержать умеренную программу строительства военно-морского флота». На церемонию спуска на воду корабля своего имени он поехать не захотел, но главное было сделано. Пресса Бисмарка отреагировала на новую программу флота именно так, как ей было указано — умеренной поддержкой.

Дипломатическое наступление в пользу строительства флота было продолжено. Тирпиц повидался и с королем Саксонии, и с принцем-регентом Баварии, и с муниципальными советами ганзейских городов. Наиболее серьезную работу пришлось проводить с военными и с влиятельными людьми из

торгово-промышленных кругов. Им была предложена на рассмотрение обдуманная стратегическая концепция, в которой доказывалось, что «гельголандская» сделка с Англией при Каприви, в 1890 году, по которой Германия уступила свои возможные права на Занзибар в обмен на маленький остров Гельголанд у собственного побережья, была вызвана горькой необходимостью — Германия просто не смогла бы защищать свои занзибарские владения, у нее не было флота. Но сейчас, в 1897 году, положение изменилось, заморская

торговля Германии растет, у нее есть и колониальные интересы — и они должны быть надежно защищены. Не следует строить себе иллюзий — Англия вовсе не обязательно будет дружественно нейтральна, и следует иметь некие материальные основания для того, чтобы «посоветовать ей соблюдать свой нейтралитет и дальше».

Наконец, вся предварительная подготовка была завершена. Тирпиц обратился к рейхстагу за тем, что стало теперь наиболее существенным, — за деньгами.

– VII –

В прохождении через рейхстаг так называемого «Первого военно-морского закона» можно было не сомневаться — слушанья были замечательно подготовлены. При всем неуклонном следовании закону, дававшему рейхстагу полные финансовые полномочия, при дворе и в армии к германскому парламенту было принято относиться свысока — по мнению кайзера, штафирки и адвокаты и не заслуживали другого отношения. Тирпиц, однако, изменил традиционный подход — все, что было связано с законопроектом, было заблаговременно доведено до сведения и депутатов, и лидеров партийных фракций.

Специально учрежденное бюро в министерстве флота самым подробным и вежливым образом отвечало на все задаваемые депутатами вопросы.

Да, «интересы Германии за морями не защищены должным образом».

Да, «оборона берегов Германии — и на Балтике, и на Северном море — совершенно недостаточна».

Нет, «Германия не собирается ни с кем состязаться в морских воо-

ружениях». Просто у Франции — 26 бронированных кораблей водоизмещением больше 5000 тонн, у России — 18, а у Германии — всего 12.

И уж конечно «Германия не думает об английском флоте», в котором таких кораблей — 62.

Поэтому запрос Тирпица о семилетней программе строительства флота в составе двух боевых эскадр «следует признать вполне умеренным».

Запрос, однако, не был умеренным. Две эскадры, вместе с флагманом и двумя резервными броненосцами, составляли бы в общей сложности 19 боевых кораблей, все новой постройки.

Далее, программа строительства предусматривала ассигнования на семь лет вперед, выключая рейхстаг из обычного годового цикла финансирования программы. Министерство флота брало на себя все бремя решений, связанных с типом кораблей, темпами постройки и прочими сторонами проекта — рейхстаг уже наперед со всем этим соглашался и тем отнимал у депутатов будущих созывов право на вмешательство.

Именно это последнее обстоятельство, а не сама программа, вызвало в рейхстаге наиболее бурные споры. Однако в конечном счете закон о флоте 1898 года был утвержден, и сделано это было значительным большинством.

Что было еще более важно, закон встретил огромное общественное одобрение. Возникший союз поддержки флота вырос с начальных 78 тысяч до более чем миллиона человек за какие-нибудь два года. Страна была полна энтузиазма, начали издаваться журналы, посвященные морской тематике, — при поддержке паровозных, кораблестроительных и сталелитейных компаний.

А в 1900 году, на волне негодования против Англии с ее «несправед-

ливой и жестокой бурской войной», сразу после инцидента с задержанием германских почтовых судов, заподозренных в провозе оружия и контрабанды, в рейхстаг был внесен Второй военно-морской закон. Немецкие суда после обыска были англичанами отпущены с принесением извинений — но закон прошел все равно. Он удваивал запланированные морские вооружения с двух боевых эскадр до четырех.

Более того, в преамбуле уже не говорилось о «защите родных берегов». Там говорилось о том, что «в случае необходимости флот должен быть готов вступить в бой даже против величайшей морской державы».

Это был намек — и в Англии его поняли должным образом.

– VIII –

К началу двадцатого века примерно половина торговых судов мира ходила под английским флагом. Английские товары продавались по всему свету, и само определение «английский» служило синонимом высокого качества. Англия имела самый высокий процент городского населения в мире: 54 % ее населения жили и работали в городах, производя эти товары. В обмен покупались многие вещи, в частности — сырье для промышленности и продовольствие, две трети потребления которого покрывались поставками из-за рубежа.

Превосходство Великобритании в отношении прочих европейских держав рассматривалось в самой Великобритании как данность, не требующая доказательств. Английский военный флот — по формуле, освященной временем, «превосходил два следующих европейских флота, вместе взятых».

Колониальные войны выигрывались без особых усилий. Чуть ли не главным предметом в кавалерийском училище Уинстона Черчилля было обучение будущих офицеров тонкостям игры в конное поло — они обязаны были хорошо понимать в выездке лошадей.

Разумеется, время от времени в колониях случались трения и с европейцами, например с французами в Фашоде, но их всегда можно было уладить, полагаясь на флот и на незыблемое преимущество в технологии и финансах.

Грянувшая в 1899 году бурская война, однако, поколебала очень многие представления о британской мощи. Оказалось, что в войне против противника, располагающего европейским оружием и выучкой, английские полки могут продемонстрировать храбрость и верность долгу, но не умение. Ввиду нехватки качества войск победу пришлось

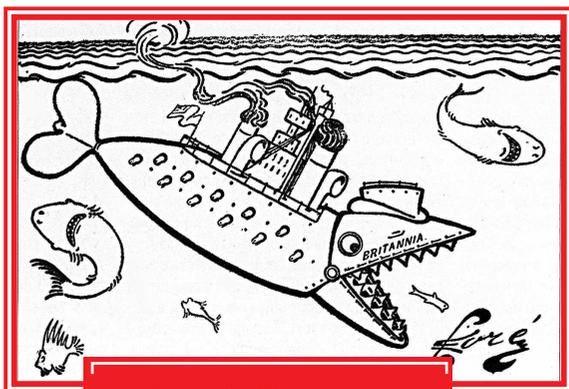

*Британские солдаты
на Англо-бурской войне*

добывать их количеством: в конце войны в Южной Африке оказалось 450 тысяч английских солдат — против примерно 40-тысячной армии буров. Даже такое гигантское сосредоточение силы сразу не помогло — в изнурительной партизанской войне, которая шла до 1902 года, англичане применили весьма крутые средства — блокпосты, концентрационные лагеря для населения, и добились в конце концов капитуляции буров и мирного договора, включившего Трансвааль и Оранжевую Республику в британскую колонию, Южно-Африканский Союз.

Помимо огромных недостатков армии — плохого стрелкового ору-

жия, плохой тактики, полного отсутствия опыта во взаимодействии армейских подразделений, слишком нарядной формы, из-за ярких цветов оказавшейся настолько опасной для солдат, что ее пришлось в срочном порядке заменять на мундиры цвета хаки, оказалось, что в глазах общественного мнения Англия повсюду, от Франции и России и до Америки — выглядела неправой. Оказалось также, что наплевать на это, как было бы естественным в период «блестящей изоляции», уже нельзя. Англия больше не была

«Если бы Трансвааль был рыбой...», русская карикатура 1899 г.

беспорным индустриальным, финансовым и технологическим лидером — у нее появились конкуренты. Если Франция все еще отставала от Великобритании в индустриальном развитии едва ли не втрое, то США и Германия уже начали ее в этом отношении обгонять.

В этой связи угроза появления в весьма недалеком будущем мощ-

ного германского флота в европейских водах действительно оказала влияние на политику Британии.

Тирпиц в разговорах с кайзером и с военными утверждал, что «британский флот не сможет быть сильным повсюду, поэтому англичанам волей или неволей придется согласиться не противоречить германским интересам».

Англичане не согласились со второй частью этого утверждения германского адмирала — они не любили, когда с ними разговаривали по принципу «волей или неволей, но вы с нами согласитесь». Однако признали справедливость первой части его заявления — да, британский флот не может больше быть силен повсюду.

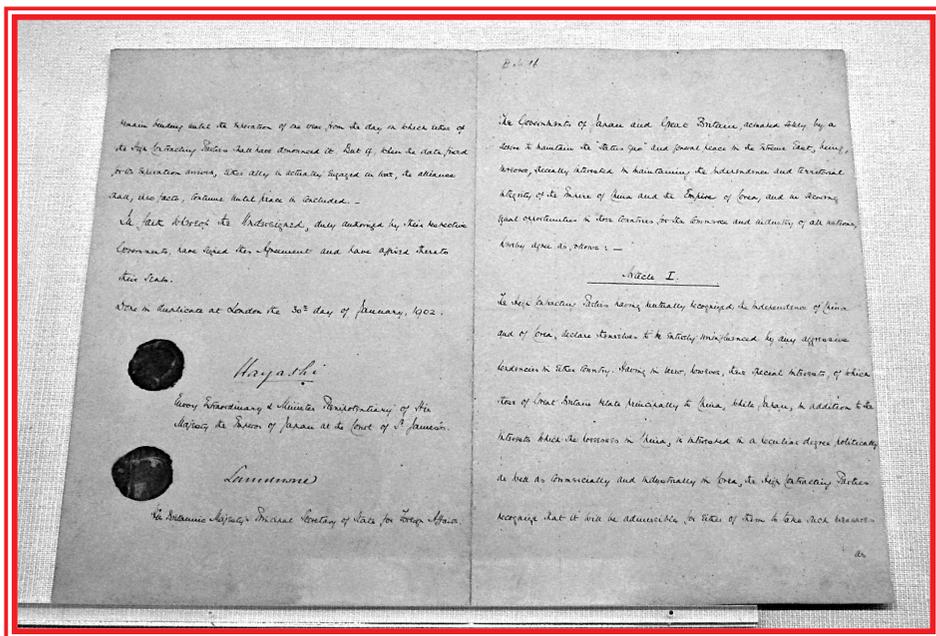
Английское правительство начало сложные, поистине хореографически скоординированные политические действия.

— IX —

Первым шагом Англии, который из сферы рассуждений и расчетов переходил к практике, был сделан 30 января 1902 года. В этот день был подписан англо-японский союзный договор. В преамбуле этого документа, разумеется, было сказано, что «...Высокие Договаривающиеся Стороны, движимые исключительно желанием поддержать статус-кво и всеобщий мир на Дальнем Востоке...» и так далее. И конечно же, несмотря на обязательную в дипломатии благочестивую формулу о поддержании мира, это был в первую очередь договор о военном союзе. Было также совершенно очевидно, что направлен он был против России.

Однако под этим первым, видимым смысловым слоем документа скрывались и другие, далеко не столь явные. Прежде всего японская дипломатия могла записать в свой актив колоссальный успех — первой из всех азиатских стран она заключала равноправный договор с великой европейской державой, и не с какой-нибудь, а с повелительницей морей, Великобританией.

Англия же в обмен получала — используя термин, взятый из документов британского Адмиралтейства, — «...экономный способ решения проблем безопасности в водах Дальнего Востока». Простое слово — «экономный» — весило тонну. Во времена «блестящей изоляции» очевидным

Текст англо-японского союзного договора 30 января 1902 г.

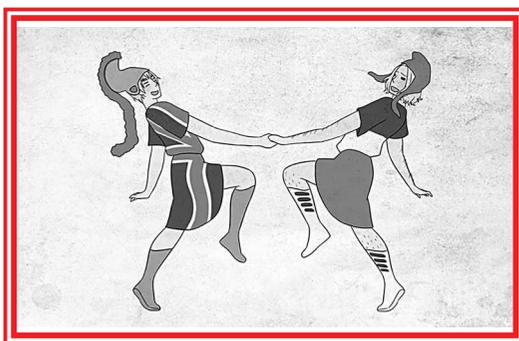
способом решить «проблемы безопасности в водах Дальнего Востока» было бы удвоение английской эскадры в Гонконге.

Ныне, в 1902 году, адмиралтейство, казначейство и Foreign Office (как по традиции называлось министерство иностранных дел Англии) пришли к согласованному выводу, что сделать это невозможно и что в деле защиты британских интересов на Дальнем Востоке «необходимо искать помощь союзника».

У Англии появились слишком уж сильные соперники. Уже в 1897 году адмиралтейство пришло к выводу, что «Англия не сможет соперничать с США в морских вооружениях в Западном полушарии», и начал понемногу выводить свои корабли из Вест-Индии и из вод Канады, предоставив заботу о британских интересах в этом районе дипломатам.

Было начато осторожное сближение с Францией. Чуть было не дошедшее до стрельбы столкновение с французами на Ниле, у Фашоды,

в сентябре 1898 года, привело обе стороны к осознанию того, что в будущем подобных случаев следует избегать. Усилия, предпринятые в этом направлении французским министром иностранных дел Делькассе, в апреле 1904 года увенчались успехом — Франция и Англия подписали соглашение о «сердечном согласии», *L'Entente Cordiale*.

Французская открытка, символизирующая подписание соглашения о «сердечном согласии»

Это было меньше, чем союз — англичане были очень осторожны во всем, что могло бы вовлечь их в свары на континенте Европы — но много лучше, чем ничего. Обе стороны договорились и уладили свои разногласия в колониях полюбовно. Центральным пунктом соглашения был отказ Франции на все притя-

зания в долине Нила в обмен на такой же отказ Великобритании на все свои колониальные притязания в Марокко. Никаких возражений от других стран Европы не предполагалось и не последовало.

До тех пор, пока Германия вдруг не ударила кулаком по столу, требуя свою долю.

— X —

Ну, положим, это было не совсем вдруг. Когда в конце марта 1905 года кайзер Вильгельм нанес неожиданный визит в марокканский порт Танжер, где произнес резкую речь, направленную против англо-французского договора по Марокко — это было куда более серьезным делом, чем просто речь сумасбродного монарха. Начать с того, что плыть в Танжер кайзер не хотел — он полагал, что «эта грязная дыра кишит анархистами» и что там его могут убить.

Однако на визите настаивал его канцлер, Бернгард фон Бюлов, и он же подготовил речь кайзера. На

своего августейшего повелителя он в этом смысле не полагался — тот был крайне шаток и импульсивен. Совсем недавно, в январе 1901 года, будучи в Англии во время кончины бабушки, королевы Виктории, кайзер получил в качестве подарка от вежливых хозяев церемониальный чин фельдмаршала британской армии. В порыве благодарности кайзер произвел в германские фельдмаршалы лорда Робертса — генерала, командовавшего войной в Трансваале — чем вызвал просто взрыв негодования на родине. Бюлов был полон решимости не допустить повторения такого конфуза. Поэтому речь по тону была тверда, но очень

Вступление Вильгельма II
в Танжер

выдержана. Кайзер сообщил султану Марокко, что он рассматривает его как независимого государя и что от Франции он ожидает уважения такого своего мнения.

Но главным моментом в речи кайзера было не ее содержание, а международный контекст, в котором она прозвучала.

Союзнница Франции, Россия, ввязавшись в войну с Японией, терпела поражение за поражением. В январе 1905 года пал Порт-Артур. Весь русский тихоокеанский флот погиб вместе с крепостью. Все надежды теперь были возложены на так называемую Вторую Тихоокеанскую эскадру, которая двигалась на Дальний Восток с Балтики, но даже в случае ее успеха — весьма проблематичного — было понятно, что в ближайшее время руки России связаны и в европейские дела она вмешиваться не будет. Бюлов увидел открывающиеся возможности. Германия начала дипломатическое наступление на обоих направлениях — и против России, и против Франции.

Русским — в самых мягких тонах, при непрерывных излияниях самых дружеских чувств кайзера в его письмах к Николаю Второму, где говорилось, что «оборону западных границ России Германия берет на себя» — был предложен новый торговый договор, крайне невыгодный для России. И договор этот в итоге пришлось принять — охваченной революционными беспорядками России не было выхода.

Против Франции был избран другой подход. Никакой значительной торговой выгоды тут извлечь было нельзя, поэтому упор был сделан просто на подавление, а «цеплялка» была изобретена буквально на ходу — Марокко. Интересно, что кайзер буквально за пару месяцев до марокканского кризиса выражал мнение,

Бернгард фон Бюлов

что Германии выгодна вовлеченность Франции в Северной Африке: «чем больше французы будут смотреть в сторону Марокко, тем меньше они будут смотреть в сторону Вогез».

Однако канцлер Бюлов думал иначе — и Вильгельм моментально поменял свое мнение, став ярким защитником «свободы Марокко» и «права равного доступа всех заинтересованных держав к торговле в этой стране». Эта тема была выбрана не случайно: совершенно то же самое говорили американские дипломаты. Разница заключалась в том, что США выражали свою точку зрения, так сказать, на общефилософском уровне — а вот Германия грозила Франции войной и делала это совершенно недвусмысленно.

Собственно, Бюлов войны не хотел. Он просто желал продемонстрировать Франции, как она слаба и одинока, а в качестве символа такой демонстрации избрал в высшей степени оскорбительное требование отставки французского министра иностранных дел Делькассе. Он об-

винил его в «недружественных чувствах по отношению к Германии». Переговоры возможны только «с честным и искренне расположенным к соглашению министром», а скомпрометированным политическим деятелем Германия дела иметь не будет. В итоге под огромным давлением и ввиду явной угрозы войны — начальник Генштаба Германии генерал Шлиффен настаивал на военной операции, вне зависимости от того, уйдет Делькассе в отставку или нет — Франция капитулировала. Делькассе был вынужден уйти. Германия продемонстрировала всему миру, что может по желанию сме-

щать французских министров. Кайзер был в восторге — и буквально на следующий день одарил Бюлова княжеским титулом, а успех было решено закрепить.

Вопрос о Марокко по настоянию Германии был поставлен на обсуждение специальной европейской конференции. В ней приняли участие все значительные державы Европы — даже Швеция и Испания, а также США. Германия намеревалась получить своего рода «мандат держав» на преобладание в Марокко.

Делегаты съехались на конференцию в испанском городе Альхесирас, неподалеку от Гибралтара.

– XI –

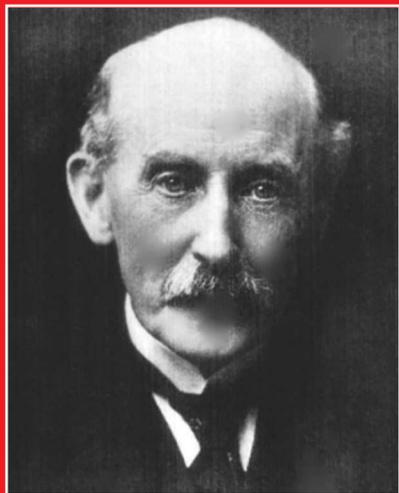
Речь представителя Германии на конференции, графа фон Таттенбаха, была построена по классическому образцу. Он копировал волка из известной басни о волке и ягненке — главной темой речи было «полное попрание Францией достоинства

и практических интересов Германии». Германия, согласно ее послу, «будет настаивать на защите своей чести». Прочие державы приглашались последовать примеру Германии, отвергнуть исключительные права Франции в Марокко и следовать политике «открытых дверей», позволяющей развивать там свои коммерческие интересы, торговые порты и угольные станции, необходимые для поддержания свободного судоходства.

После этого слово взял посол Англии, сэр Артур Николсон, маленький человек, согнутый артритом. Речь его была короткой и сводилась к двум пунктам.

Во-первых, сэр Артур был уполномочен заявить, что «соглашение по Марокко, ранее достигнутое между Англией и Францией, пользуется полной поддержкой правительства Его Величества».

Во-вторых, он предложил делегатам сделать перерыв в заседаниях и посетить корабли английской эскадры, стоящие в Гибралтаре.

Сэр Артур Николсон

Визит действительно состоялся, и командующий, адмирал Бересфорд, в высшей степени любезно принимал иностранных дипломатов на борту своего флагманского корабля. На рейде Гибралтара стояло 20 британских броненосцев, пара дюжин крейсеров, множество вспомогательных судов. Дело было в том, что помимо Средиземноморской эскадры сюда прибыл и Атлантический флот.

Несомненно, это не было случайно. По числу тяжелых орудий собравшиеся тут английские суда превосходили несчастливую русскую эскадру, погибшую в 1905 году под Цусимой, примерно вчетверо.

Конференцию в Алхесирасе после столь дружественного визита можно было закрывать. Англия не просто встала на сторону Франции — она встала на ее защиту. Сэр Николсон в вежливой форме, не повышая голоса и не прибегая к угрозам, довел до сведения Германии, что Великобритания не допустит создания

германской базы на атлантическом побережье Марокко.

Бюлову надо было выбирать между войной и немедленным отступлением — и он предпочел отступить. Не очень понимавшая суть дела публика в Германии бурно негодовала. Ее разочарование было тем полнее, чем больше горделивых надежд было возбуждено еще столь недавним триумфом германской дипломатии в ее противостоянии с Францией.

Но Бюлов, конечно, понимал ситуацию лучше. Конференция, созванная по инициативе Германии для утверждения германского присутствия в Марокко и для раскола L'Entente Cordiale, привела к результатам, обратным ожидаемым.

Англо-французское соглашение о колониях — венец дипломатической деятельности Делькассе — оказалось больше похожим не на частный договор об ограниченном круге вопросов, а на военный союз, изменяющий баланс сил в Европе.

– XII –

Примерно к концу 80-х годов XIX века в Европе сложилась стройная теория, объединившая теорию Дарвина и германскую философскую идею об «органическом государстве». Но государства не только рассматривались как «организмы» — им приписывалась также роль инструментов, «созданных расами для борьбы за место под солнцем». Это положение стало настолько общим местом, что кайзер Вильгельм — вот уж не мыслитель! — записывал в дневнике, что «судьба Германии — борьба против галлов и славян», перенося военное и политическое противостояние между франко-российским и германо-австрийским блоками на почву «исконной борьбы рас».

В Англии на этот вопрос теоретически смотрели точно так же, но вот оценки практических следствий принятой теории были весьма трезвыми. И смотрели при этом не столько на «расовые различия», сколько на неоспоримые факты. Например, признавалось, что роль английского флота как инструмента мощи сравнительно уменьшилась. Если еще в 1883 году Англия располагала 38 крупными военными кораблями против 40 у всех остальных стран мира вместе взятых, то уже в 1897-м против 62 английских военных кораблей остальной мир мог бы выставить 96 — совсем другое соотношение сил. Далее, развитие железных дорог сделало возможным

доступ больших армий и огромного количества военных материалов по суше, а не только по морю, как было раньше. Третьим фундаментально важным — даже важнейшим — фактором было то, что индустриализация, давшая сравнительно небольшой островной стране, Англии, ее неслыханное могущество, даст еще более впечатляющие результаты, будучи приложено к странам размером с континент. Из этого вытекало, что наиболее вероятным сосредоточением новой мощи будут две страны — США и Россия.

И с ними следовало поддерживать по возможности корректные отношения, потому что в случае атаки США против Канады или России — против северных подходов к Индии — Англия ничего не смогла бы поделать. Однако и здесь следовало подходить к вопросу с долей должного скептицизма.

Между Америкой и Россией была большая разница. Если Соединенные Штаты увеличили свою добычу угля за период времени с 1870 года по 1900-й в 8 раз, а Россия показала и вовсе феноменальный результат увеличения добычи в 16 раз, то абсолютные цифры выглядели совсем по-другому. В 1900-м Америка добывала 245 миллионов тонн угля, а Россия всего 16 миллионов тонн — по сравнению с 229 миллионами тонн Англии. Все остальные показатели индустриального развития — про-

изводство стали, стоимость произведенных продуктов машиностроения и так далее — соответствовали той же пропорции, что и уголь.

Если США в 1898 году имели 6 современных броненосцев, то к 1905-му эта цифра была доведена до 12, и еще 12 находились в постройке. Россия же к 1905 году потеряла весь свой тихоокеанский флот, а заодно — и весь балтийский. Так что если Англии в отношениях с США следовало соблюдать всю возможную вежливость и предупредительность, то в отношении России можно было никаких особенных мер пока не предпринимать — в 1905 году ей поистине было не до внешнеполитических авантур.

Германия, изо всех сил добивавшаяся примерно таких же отношений с Англией, как и США, и тоже строившая флот с целью заставить считаться с собой, никак не могла взять в толк, почему ее усилия в этом направлении встречают со стороны англичан не уважение и понимание, а все более и более открытую вражду.

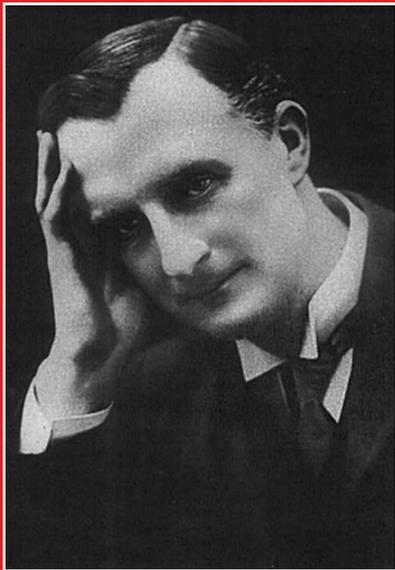
Англичане, однако, понимали это очень хорошо. Любая страна Европы, которая стремилась к европейской гегемонии, была угрозой — и не английской торговле или промышленности, а самой жизни и независимости Англии.

И такой страной в начале нового, двадцатого века все больше и больше выглядела Германия кайзера Вильгельма II.

– XIII –

Заккрытие конференции в Альхесирасе в еще большей степени, чем англо-японский договор 1902 года, знаменовало отход Англии от политики «блестящей изоляции». Министр иностранных дел Великобритании, Эдвард Грей, вступивший

в должность 10 декабря 1905 года, уже 13 декабря сообщил послу Российской империи, Александру Бенкендорфу, что «Англия хотела бы заключить с Россией соглашение, подобное тому, которое существует с Францией», а 3 января 1906 года

Эдвард Грей

сделал Германии официальное предупреждение, суть которого сводилась к тому, что «общественное мнение не позволит ему оставаться в стороне в случае франко-германской войны». Какая уж тут «изоляция»?

Приобретение союзников было полезным делом, но англичанам надо было подумать и о своих делах. Остин Чемберлен, глава казначейства, в меморандуме, направленном коллегам, высказывал следующее предположение: «Англия больше не в состоянии помочь европейскому союзнику деньгами — союзник потребует помощи войсками, и при этом — сразу».

Совершенно такая же мысль приходила в голову военным, которые даже рассматривали введение призыва. Так далеко правительство не пошло — но был учрежден Генеральный штаб, без которого во времена «блестящей изоляции» вполне спокойно обходились. Для координации действий по обороне страны

был создан специальный орган — *Committee of Imperial Defense*, что можно перевести как «Комитет обороны империи», ставший известным по аббревиатуре CID. Очень быстро он приобрел большое влияние.

Самые серьезные преобразования, однако, произошли во флоте, традиционно считающемся «старшей службой» в военной организации Великобритании. Вступивший в конце 1904 года в полномочия главы Военно-морских сил Великобритании и начальника военно-морского штаба (в Англии, крепко державшейся за традиции, должность называлась на старинный манер и очень звучно — «Первый морской лорд» — «*First Sea Lord*») адмирал Фишер начал там поистине революционные реформы. Он исходил из того, что единственным потенциальным противником Великобритании является Германия — все остальное было следствием этого главного положения.

Началось перераспределение сил — отряды ВМС, базировавшиеся на так называемых «станциях» в портах Австралии, Китая и восточной Индии, были значительно сокращены, сведены в единый Азиатский

Адмирал Джон Фишер

флот и перебазированы в Сингапур, а тихоокеанская эскадра была попросту и без всяких церемоний расформирована. Гордость английского флота, Средиземноморская эскадра, была уменьшена в числе, выведена с Мальты и размещена в Гибралтаре. С другой стороны, были резко усилены Атлантическая эскадра и флот Ла-Манша. Дело не ограничилось просто перераспределением имевшихся в наличии сил флота — Фишер начал безжалостное сокращение числа кораблей. Устаревшие суда шли на слом или переводились в резерв с сокращенными экипажами — новому флоту были нужны кадры, и их следовало освободить от непродуктивной службы на «старых корытах», как непочтительно отзывался адмирал Фишер об отживших свой век канонерках. Радикально менялась корабельная

артиллерия — новые орудия, новые прицелы, новые снаряды, новые методы стрельбы — после Русско-японской войны Первый морской лорд не знал покоя.

Он предвидел «Армагеддон», решающую битву с германским флотом — и он решил, что для этой битвы, помимо новых орудий, ему понадобится революционно новый корабль неслыханной доселе мощи, который выметет с морей всех врагов Великобритании.

Корабль должен был называться «Неустрасимый», по-английски, и на старый лад — *Dreadnought*, «Дредноут». Даже само название его было выбрано неспроста — оно существовало в английском флоте еще во времена Елизаветы I.

Во времена сражений с испанской Непобедимой армадой за саму жизнь Англии.

- XIV -

Опыт похода российской эскадры с Балтики на Тихий океан, закончившийся ее неслыханным по размерам поражением у Цусимы, стал предметом самого пристального внимания в штабах всех флотов мира. Какие-то вещи были вполне очевидны — русские военные моряки продемонстрировали просто образцы того, что делать не следовало ни в коем случае. Корабли эскадры никогда не плавали вместе. Состав кораблей был пестрым, как лоскутное одеяло — вместе с новейшими броненосцами типа «Бородино» в нее включили устаревшие корабли, от которых отказывался командовавший эскадрой адмирал Рожественский — и которому их тем не менее навязали. Единственные артиллерийские учения флот провел уже на пути к Цусиме, у побережья

Африки, и результаты были поистине ошеломляющими — ни одного попадания в мишени, которые даже не двигались, а стояли неподвижно на якорях. Учения не были повторены, с целью сберечь снаряды.

Как ни чудовищно это звучит, приказ об экономии снарядов имел смысл — пополнить запасы было бы негде, эскадра шла в невероятно дальний поход — с Балтики, через Атлантику и вокруг Африки, через Индийский океан в Тихий океан, — не имея ни одного порта, в котором она могла бы отдохнуть и привести себя в порядок. Уголь грузили в открытом море, и с избытком, потому что было неизвестно, удастся ли найти возможность дозаправки позднее. Необходимый ремонт мелких — и не очень мелких — неполадок не производился вообще ввиду отсутствия

необходимых мастерских. Днища кораблей, обросшие ракушками за время долгого похода через тропические воды, негде было очистить — и это замедляло ход флота, и так перегруженного углем и обремененного старыми тихоходными судами.

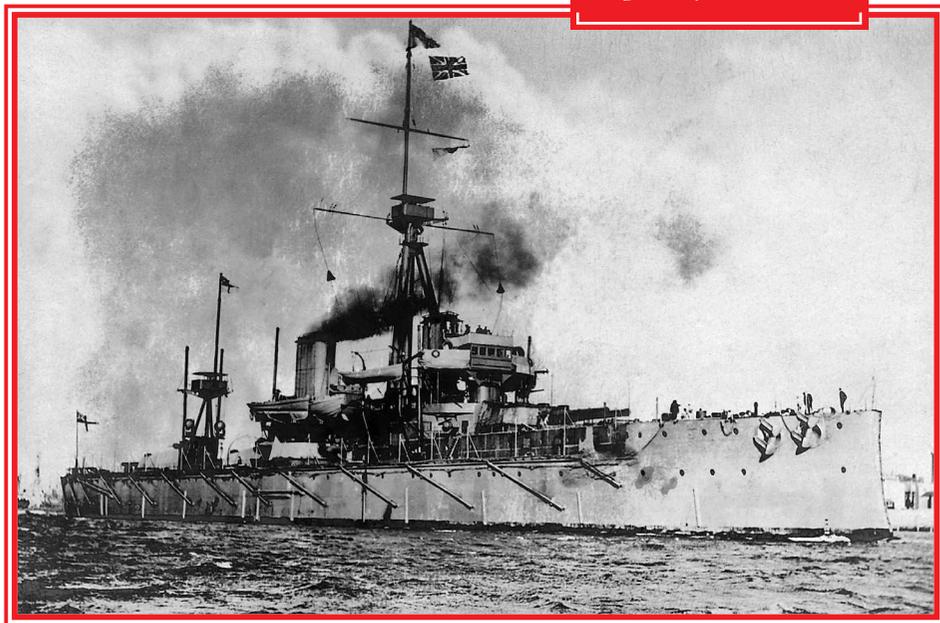
Короче говоря, разгром царского флота был вполне закономерным — но профессионалов интересовало другое. Они принимали во внимание безобразное управление эскадрой и ошибки при ее комплектовании, сделанные крайне некомпетентной береговой администрацией, — и надеялись, что их адмиралтейства будут действовать лучше. Но не было ли ошибок и в доктрине, принятой всеми флотами мира?

Адмирал Фишер еще в 1904 году, в момент получения полномочий командующего операциями всего британского флота, решил, что существующие типы линкоров неудовлетворительны — и Цусима только подтвердила его предположения и расчеты. Новейшие корабли и русской, и японской эскадр строились по образцу английских броненосцев

класса «Majestic» образца 1895 года и в разных модификациях имели до 60 орудий пяти разных калибров. Все они располагали четырьмя пушками 12-дюймового калибра — главной артиллерийской силой корабля, — расположенными в двух двухорудийных башнях — на носу и на корме.

Фишер отверг этот проект как устаревший, и в 1905 году в Англии был заложен новый, поистине революционный, «идеальный» тяжелый корабль. Его-то и назвали «Дредноутом». Он имел 10 двенадцатидюймовок в пяти башнях. Его бортовой залп был равен залпу двух обычных броненосцев, а залп при атаке, на носовых углах — залпу трех таких кораблей. Его скорость была намного выше — 21 узел вместо общепринятых 17 узлов. Поскольку скорость давала ему преимущество в инициативе, он мог по желанию или навязать бой, или уйти от противника — один такой корабль стоил целой эскадры.

Дредноут. 1906 г.

«Дредноут» вступил в строй в 1907 году и сразу стал новым классом линкоров. В бою один на один додредноуты¹, построенные совсем недавно, в 1904 году, не имели никаких шансов справиться с новым чудом, созданным английскими кораблестроителями. Германские броненосцы, с такими трудами и с та-

ким тщанием построенные Тирпицем, сразу потеряли свою ценность. Теперь господство Англии на море было надежно утверждено.

Однако штаб германских военно-морских сил серьезно рассмотрел новую ситуацию — и пришел к мысли, что она таит в себе не только опасности, но и некоторые возможности.

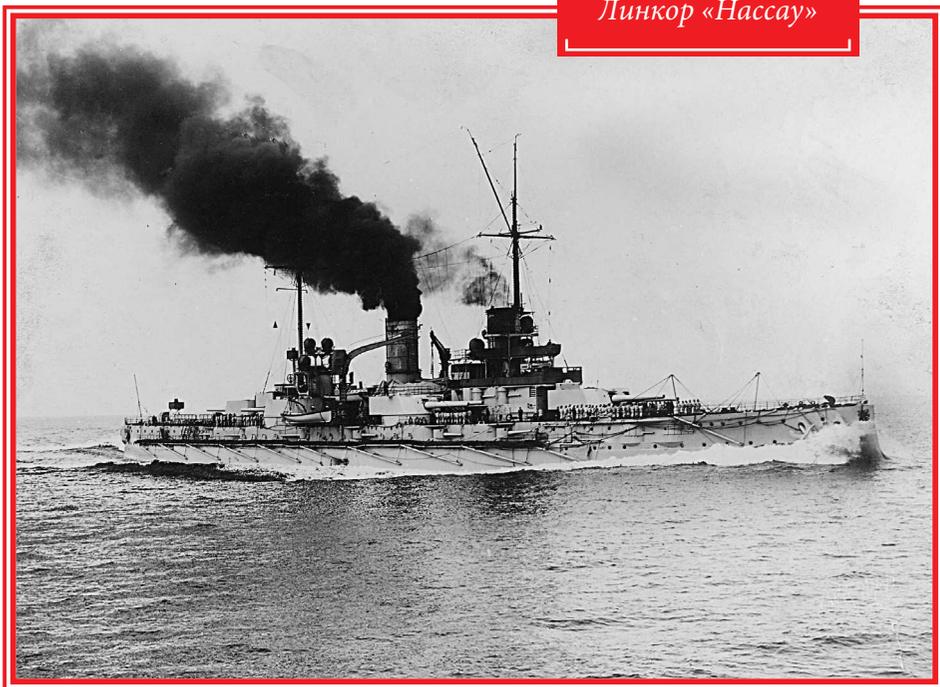
— XV —

Тирпиц и его сотрудники рассудили, что новый тип тяжелого корабля не есть монополия Англии и что шаг, который обесценил германские броненосцы, сделал то же самое и с английскими кораблями старых моделей. Конечно, адмирал Фишер обеспечил Англии преимущество, опередив Германию на шаг — но,

с другой стороны, он опередил ее только на один шаг. И уже летом 1907 года в Германии были заложены новые корабли типа «Нассау».

За неимением 12-дюймовых орудий они вооружались 11-дюймовками и были несколько меньше «Дредноута» — дело было в размерах

Линкор «Нассау»

¹ Додредноут, или линкор додредноутного типа (англ. Pre-dreadnought battleship) — класс линкоров, выделившийся после появления класса дредноутов во второй половине первого десятилетия XX века, совершившего кардинальную революцию в мировом кораблестроении. — Прим. ред.

Вильгельмсхафенских шлюзов, под величину которых пришлось подгонять новые корабли. Машины на них поставили тоже старых образцов, что сделало их более тихоходными, чем корабли нового английского проекта.

Но тем не менее это были суда, способные потягаться с «Дредноутом» — а вслед за первой четверкой были немедленно заложены еще три, уже улучшенной модели. К 1908 году соотношение сил между Англией и Германией, если принимать во внимание и действующие, и строящиеся корабли класса «дредноут», составило 8 к 7. В то время, как соотношение сил по более старым моделям — 51 английский броненосец к 24 германским, как было в «додредноутную» эпоху — выглядело куда более выгодным.

Эта ситуация вызвала в Германии взрыв восторга. Новый германский флот в 1907 году получил гордое название — «Хохзеефлотте» — «Флот открытого моря». В Англии, конечно, на вопрос посмотрели иначе. На голову адмирала Фишера посыпались обвинения в том, что он своим непродуманным решением поставил свою страну в опасное положение. Адмирал, известный не только своим блестящим интеллектом и неумной энергией, но и чрезвычайной несдержанностью, объяснил, что именно он думает о людях, которые, зная, что проект, подобный «Дредноуту», технически осуществим, предоставили бы инициативу его внедрения немцам.

Однако споры о том, было ли мудро начинать гонку морских вооружений с Германией, стихли довольно скоро — надо было не обсуждать, каким образом Англия оказалась в опасном положении, а принимать меры для исправления ситуации.

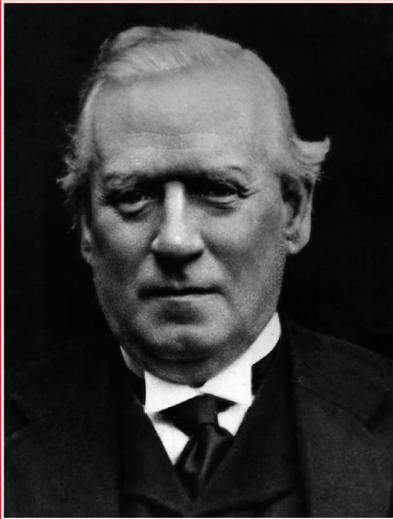
Первым и важнейшим вопросом был вопрос денег. Налоговая схема Англии в том виде, в котором она су-

ществовала, не давала казначейству достаточных средств для военного строительства. Это стало очевидным еще в 1903–1904 годах. Одной из предложенных мер улучшения положения стало предложение о введении так называемых «имперских преференций». Идея была позаимствована из канадского законодательства. В случае принятия этой системы все товары, приходившие в Англию не из ее доминионов, обкладывались налогом — что давало торговые преимущества Австралии и Канаде, но удорожало многие товары в самой Англии, например продовольствие.

В правящей коалиции произошел раскол между юнионистами, которые стояли за новый налог, и либералами, которые настаивали на продолжении политики free trade, то есть свободной торговли.

Победили либералы, на сторону которых — под свист своих единопартийцев-юнионистов — перешел молодой, но уже успевший приобрести известность Уинстон Черчилль. Известен он был своим острым языком. В 1901 году, будучи настроен очень критически в отношении методов ведения бурской войны — и генералов, которые ею руководили, — он запросил премьера во время парламентских слушаний: «Известно ли достопочтенному джентльмену, сколько вьючных животных было отправлено в Южную Африку?» Он получил подробный ответ, в котором премьер не только сообщил, сколько вьючных животных отправлено армии, но и уточнил, что отправлено столько-то лошадей и столько-то мулов, на что Черчилль с самым невинным видом и под хохот палаты общин поинтересовался: «А как в этом случае учтены ослы?»

А поскольку он до этого нещадно критиковал генералов и не стеснялся при этом в выражениях, охотно

Герберт Генри Асквит

называя их «ослами», то намек был прекрасно понят. Палата разразилась хохотом.

Тут надо учесть, что, во-первых, он сделал себе из своей предпола-

гаемой экспертизы в бурской войне политическое оружие, во-вторых, ему было всего 27 лет, а премьеру от его наскоков, право же, пришлось нелегко.

По-видимому, это была первая острота Уинстона Черчилля, которую широко подхватили газеты. Таланты молодого парламентария не остались незамеченными. Уже в 1905 году он получил пост заместителя министра колоний, а в апреле 1908-го становится и вовсе полноправным министром — министром промышленности и торговли в правительства нового премьера, Герберта Асквита.

В 31 год — хоть и младший, но член правительства. В 34 года — министр. Уинстон Черчилль явно делал большую карьеру.

Новое правительство решило, что оно нашло правильный способ поправить дела казначейства — Дэвид Ллойд Джордж, министр финансов, предложил парламенту новый бюджет, который вводил налог на землевладельцев.

– XVI –

Собственно, позицию казначейства можно было понять — деньги были нужны до зарезу. Одновременно с военной реформой армии требовалось срочно подтянуть флот. В то же время правительство впервые в истории Великобритании решило ввести пенсии для неимущих. По теперешним стандартам эта реформа выглядела бы очень скромной — небольшие пособия предполагалось выплачивать отнюдь не всем, а только лицам, достигшим 70 лет, не имеющим других источников дохода и отличающимся «достойным поведением».

Пьеса Бернарда Шоу «Пигмалион», в которой папаша Дулиттл с достоинством говорит профессору

Хиггинсу: «Я бедняк недостойный, но требуется мне ничуть не меньше, чем достойному. Он ест, и я ем, но он не пьет, а я пью. Мне и поразвлекаться требуется — ведь я человек мыслящий», будет написана только в 1912–1913 году, а поставлена и вовсе в 1916-м, но само по себе различие между «достойными» и «недостойными» бедняками, по-видимому, уже было на слуху у публики. Можно предположить, что под видом Альфреда Дулиттла, жулика и краснбая «с примесью уэльской крови», Шоу пародировал самого автора законопроекта, Дэвида Ллойда Джорджа, который был известен происхождением из низов,

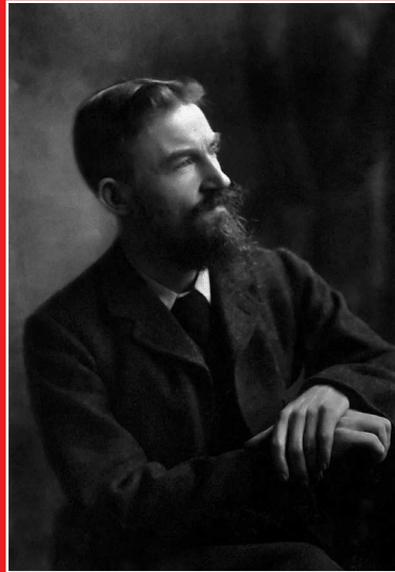
замечательным ораторским даром, имел репутацию совершенно бесспорного демагога и был единственным известным политиком Англии, родившимся в Уэльсе. А поскольку в пьесе профессор Хиггинс говорит своему другу, полковнику Пикерингу: «...если бы мы поработали с этим человеком три месяца, то он смог бы выбирать между министерским креслом и кафедрой проповедника в Уэльсе», то публика в театре при таком пассаже, вероятно, веселилась немало (особенно если учесть, что в 1916 году премьером стал Ллойд Джордж).

Однако до 1916-го было еще далеко, и пока что Ллойд Джордж был всего лишь честолюбивым министром финансов.

Короче говоря, будь он главным лицом, проталкивающим новый налог, дело было бы остановлено если не в палате общин, то уж наверняка — в палате лордов, которая, собственно, состояла из крупных землевладельцев. Именно так и случилось. По обычаю, лорды не высказывались на темы, связанные с деньгами, но в данном случае новый налог напрямую задевал их интересы, и очень чувствительно. Бюджет в результате был провален — палата лордов обладала правом вето.

Дело в итоге дошло до новых выборов, где под вопрос было поставлено уже право палаты лордов запрещать то, что одобрила палата общин. После выборов закон об отмене права лордов на вето прошел в парламенте, но по закону и традиции должен был быть одобрен палатой лордов, которая, таким образом, голосовала бы за умаление собственных прав. Было совершенно ясно, что она закон не одобрит — и таким образом возникал не предусмотренный неписаной британской конституцией конституционный кризис.

Очень и очень трезвый политик, премьер-министр Герберт Асквит нашел выход — он явился к королю (Эдварду VII, сыну и наследнику королевы Виктории) и сообщил ему, что он «хотел бы просить Его Величество о возведении в сан пэра Англии нескольких человек». Опять-таки — по закону и по традиции король должен был без всяких споров утвердить рекомендации своего премьера — сама просьба была не более чем принятым ритуалом, вроде церемонии целования рук

Бернард Шоу однажды послал Черчиллю приглашение на премьеру своей пьесы, два билета и приложенную к ним записку: «Для вас и для вашего друга — если он у вас есть».

Черчилль ответил, что прибыть на премьеру не сможет, но придет на следующий спектакль.

И добавил: «Если он состоится»

Эдвард VII

монарха, которой сопровождалось вступление всякого нового премьера в свои права.

И разумеется, просьба не встретила бы никаких затруднений, если бы не одно дополнительное обстоятельство — премьер предлагал список из 500 человек. Все они должны были автоматически стать членами палаты лордов, обеспечив ему большинство и гарантировав прохождение нового закона через палату.

Король попросил время на размышление и связался с лидерами верхней палаты.

Им предстоял нелегкий выбор: или согласиться на умаление своей

роли, или согласиться на «инфляцию» самого понятия — член палаты лордов — и в итоге все равно получить умаление своих полномочий. В итоге Асквит переупрямил своих оппонентов: и новый закон об отмене права вето верхней палаты, и новый налог на землевладельцев были одобрены.

Что же касается собственно программы морских вооружений, то перед лицом германской угрозы в парламенте спорили две партии — «алармистов», полагававших, что дело плохо и надо вооружаться любой ценой и как можно быстрее, и «экономистов», которые предлагали ограничиться умеренной морской программой. В итоге порешили, что темпы строительства новых кораблей будут зависеть от темпов военного строительства Германии — четыре дредноута будут заложены немедленно, а еще четыре — если в этом возникнет необходимость.

Черчилль, сам относившийся в то время к «экономистам», объяснял ситуацию следующим образом:

«Мы долго спорили, “экономисты” предлагали четыре дредноута, адмиралтейство — шесть, но в итоге мы пришли к компромиссу и решили построить восемь».

Шуточка была хороша, очень в его духе, и в прессе и в парламенте обсуждалась не менее оживленно, чем сам законопроект.

На фоне парламентских дебатов кризис 1908 года вокруг Боснии прошел в Англии незамеченным.

– XVII –

Вообще говоря, это было немудрено. Англии спор никак не касался. Суть же дела состояла в том, что Австро-Венгрия аннексировала Боснию, несмотря на протесты Рос-

сии — а когда Россия недвусмысленно пригрозила войной, на сторону Австрии встала Германия. Перед соединенной мощью этих двух держав России пришлось отступить — ее

союзница, Франция, выразила нежелание «вступать в общеевропейскую войну из-за спора на Балканах».

Шаг Австрии имел с ее точки зрения большой смысл. Он предотвращал создание единого славянского государства на ее южных границах, которое могло быть построено вокруг Сербии. У австрийцев уже был подобный опыт: объединение Италии. Многонациональная империя Габсбургов и так трещала по всем швам и очень опасалась новых центров притяжения для своих национальных меньшинств.

Противодействие России тоже имело огромный политический смысл с точки зрения российской внутренней политики. Держава начала приходить в себя после цусимского разгрома. Стало ясно, что экспансия на Дальнем Востоке — дело нереальное. Центр российских политических интересов возвращался в Европу. И непопулярной монархии после позорно проигранной войны было остро необходимо показать себя защитницей дела, поистине важного в глазах общественного мнения в стране — спасения единоверцев на Балканах от национального гнета.

Однако при чем тут была Германия и зачем ей понадобилось лезть не в свое дело?

У нее были на то весьма веские причины. Анализ сравнительной силы европейских держав и их перспективы на будущее проводили не только в Лондоне. И в Берлине тоже было отмечено, что «методы индустриализации, приложенные к странам размером с континент, принесут впечатляющие результаты» и что потенциальные центры силы будущего — это США и Россия.

В рамках общепринятой в ту пору теории социального дарвинизма, приложенного к государствам, во-

прос для Германии стоял так — куда она могла бы направить свои силы для завоевания схожей позиции, сохраняющей ее могущество и в будущем?

Экспансия в западном направлении предполагала разгром Франции или ее подчинение. Экспериментальная попытка сделать это оказалась неудачной — в Альхесирасе Англия заявила, что разгрома Франции она не допустит.

Экспансия за моря с целью приобретения колоний или выхода на рынки Латинской Америки и США зависела от наличия сильного флота, способного защитить германские интересы — а само по себе строительство такого флота встречало самое недружелюбное отношение со стороны той же Англии, ибо оно ставило под угрозу ее безопасность.

Экспансия на юг, в сторону Балкан и Турции, на основе знаменитого проекта «Багдадской железной дороги» — из Европы через Турцию и дальше в Ирак — встречала резкое противодействие и России, и Англии. Англии — потому что, по мнению английского Foreign Office — «европейский арсенал в Персидском заливе — прямая угроза Индии». России — потому что германская железная дорога должна была пройти через Константинополь, привязать Турцию к Германии и сделать всю торговлю хлебом через порты Черного моря — главный источник валюты для российской казны — полностью зависимой от настроения германского кайзера.

Для германской дипломатии в принципе был возможен еще один курс действий — попытаться заключить дружеский союз Германии и России, направленный против Англии.

Для этого, однако, надо было отказаться от Востока, отдать Тур-

цию русским, ущемить интересы собственного союзника, Австрии, и возможно, усилить потенциально страшного врага.

Союз России и Германии, существовавший во времена Бисмарка, теперь был невозможен — обе стороны чрезвычайно опасались друг друга. Россия к 1908 году считала Германию своим самым опасным врагом. Слишком велик был перевес Германии во всем, что касалось техники, науки и торговли. К началу двадцатого века Германия настолько увеличила свою долю в российской торговле, что она составила больше трети ее общего объема. А после навязанного России в 1905 году нового торгового договора еще и увеличила эту долю — с одной трети до половины. Британская торговля с Россией была вчетверо меньше германской, французская — еще меньше.

От Германии исходила ясно понимаемая в Петербурге опасность — превращение России в германского экономического сателлита.

В Германии же смотрели на вещи по-другому. Россия располагала громадным населением. Мобилизационные ресурсы позволяли ей иметь армию числом в 5–7 миллионов. Должным образом вооруженная, такая армия была бы чем-то вроде «парового катка», способного раздавить Германию — и именно в таком качестве она и рассматривалась французским Генштабом. Французские деньги текли в Россию и использовались казной, в частности, для постройки стратегических железных дорог из глубины России к ее западной границе.

То есть — к Бреслау и к Кёнигсбергу. Отсюда и реакция Германии на кризис 1908 года — позволить русским разгромить Австрию и остаться без союзника на Востоке было бы смертельно опасно.

А поскольку оторвать Россию от ее союза с Францией оказалось невозможно, то общей линией германской политики стало противостояние русско-французскому союзу.

В такой ситуации в Берлине пришли к выводу, что любые усилия, направленные на то, чтобы Англия в случае столкновения осталась нейтральной, просто необходимы.

А лучшим средством для этого был признан флот, который строил Тирпиц.

В Германии же смотрели на вещи по-другому. Россия располагала громадным населением. Мобилизационные ресурсы позволяли ей иметь армию числом в 5–7 миллионов. Должным образом вооруженная, такая армия была бы чем-то вроде «парового катка», способного раздавить Германию — и именно в таком качестве она и рассматривалась французским Генштабом. Французские деньги текли в Россию и использовались казной, в частности, для постройки стратегических железных дорог — из глубины России к ее западной границе.

То есть к Бреслау и к Кёнигсбергу. Отсюда и реакция Германии на кризис 1908 года — позволить русским разгромить Австрию и остаться без союзника на Востоке было бы смертельно опасно.

А поскольку оторвать Россию от ее союза с Францией оказалось невозможно, то общей линией германской политики стало противостояние русско-французскому союзу.

В такой ситуации в Берлине пришли к выводу, что любые усилия, направленные на то, чтобы Англия в случае столкновения осталась нейтральной, просто необходимы.

Лучшим средством для этого был признан флот, который строил Тирпиц.

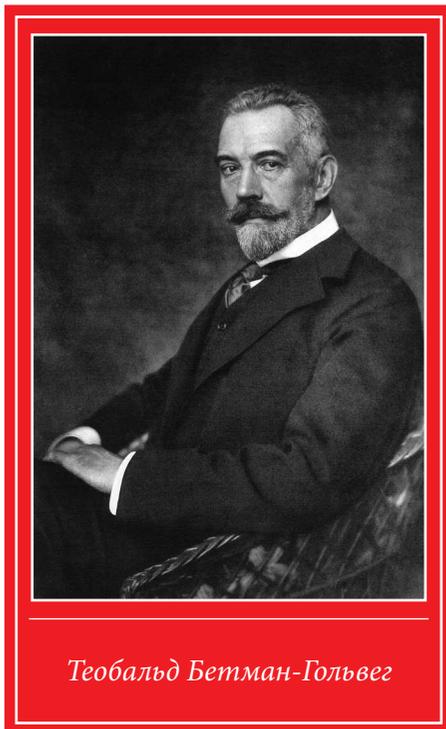
Усиление германского флота не осталось незамеченным в Англии — там было объявлено о досрочной закладке четырех новых dreadnoughtов. Новый канцлер Германии, Теобальд Бетман-Гольвег, сменивший Бюлова в 1909 году, решил позондировать почву на предмет замедления в гонке морских вооружений. Англичане были настроены вполне положительно — их собственная военно-морская программа стоила им так дорого, что казначейство в лице Ллойд Джорджа начало протестовать, выступив со следующим заявлением:

«После того, как были выделены фонды на постройку восьми dreadnoughtов, и после того, как доминионы предложили свою помощь в постройке еще одного или двух, правительство — в ответ на расширение германской программы судостроительства — заказало еще пять кораблей. Гонку вооружений следует ограничить какими-то разумными пределами».

Германия соглашалась замедлить темпы строительства своих военных судов — в обмен на обещание Англии не вмешиваться в возможные конфликты на континенте Европы. Обещание желательно должно было быть выражено в письменной форме. Английский кабинет отказался наотрез.

Как объяснил Асквит парламенту:

«При всем желании сократить затраты на вооружения, нашей первой обязанностью является охрана безопасности страны. Если франко-российская коалиция будет знать, что ни при каких условиях она не сможет рассчитывать на помощь Великобритании, она, не имея другого пути к спасению, может пойти на широкое сотрудничество с Берли-

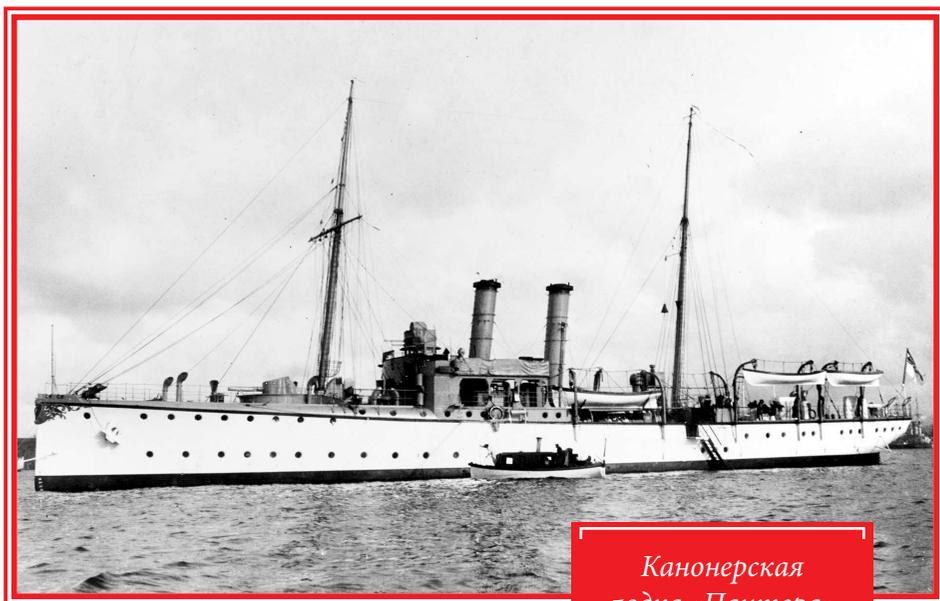

ном. В этом случае мы останемся совершенно незащищенными, один на один с германской империей».

Переговоры, однако, тянулись вплоть до 1911 года, когда Франция после беспорядков в Марокко ввела свои войска в Фес, по официальной версии — «для защиты своих подданных».

Германский МИД решил повторить этот ход, и в южный порт Марокко, Агадир, был срочно отправлен военный корабль. Канонерка «Пантера» была не самым лучшим судном для того, чтобы представлять там Германию, но оказалась под рукой. Правда, в Агадире германские подданные не только не подвергались угрозе, но их там и просто физически не было. Более того — в городе не было вообще ни одного европейца.

Поэтому для соблюдения приличий в Агадир в срочном порядке

Канонерская лодка «Пантера»

был направлен представитель одной из германских пароходных компаний, герр Виллбург, в дальнейшем известный как «германский подданный, находящийся в опасности». Он прибыл туда 4 июля 1911 года — опоздав на три дня. «Пантера» уже стояла в порту, готовая защитить его жизнь, честь и достоинство. А МИД Германии еще 1 июля распространил циркулярную ноту, в которой, в частности, говорилось следующее:

«Ряд германских фирм, имеющих свои коммерческие интересы на юге Марокко, ввиду имеющих там место беспорядков обратились за помощью к германскому правительству. Германское правительство решило удовлетворить их просьбу и послало в порт Агадир свой военный корабль для их защиты».

В состоянии бурного патриотического восторга германские газеты обыграли название канонерки и окрестили это событие как «Panthersprung» — «Прыжок “Пантеры”».

9 июля 1911 года МИД Германии потребовал у французского посла «достойные компенсации» за попрание германских интересов в Марокко.

10 июля года министр иностранных дел России Сергей Дмитриевич Сазонов официально известил германское посольство, что «в марокканском кризисе Россия поддерживает Францию».

15 июля послу Франции в Берлине были сообщены условия возмещения ущерба, которые «успокоили бы общественное мнение в Германии и гарантировали бы мир». Передача Германии французской колонии Конго могла бы быть компенсацией, на которую «Германия посмотрела бы благосклонно».

21 июля Дэвид Ллойд Джордж, лорд-канцлер казначейства, т. е. второе лицо в правительстве Великобритании, выступая в Лондоне, заявил следующее:

«Я готов на величайшие жертвы, чтобы сохранить мир... Но если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранен только путем отказа от той значительной и благотворной роли, которую Великобритания завоевала себе столетиями героизма и успехов; если Великобританию в вопросах, затра-